

ческих исследованиях. М., 1981; Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1984; *Славко Т. И.* Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981; *Хвостова К. В.* Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980, и др.

³¹ *Бородкин Л. И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.

³² Там же. С. 4.

³³ *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А.* Указ. раб. С. 165—170.

В. П. Алексеев, Р. А. Мкртчян

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ В АРМЕНИИ И ВОПРОСЫ ГЕНЕЗИСА НАСЕЛЕНИЯ КУРО-АРАКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Куро-аракские памятники представляют исключительно интересный пример того, как археологическая культура может быть открыта не с помощью раскопок, а в процессе кабинетной работы — розысков в музеях и литературного обобщения ранее опубликованных и сохранившихся в архивах данных. Итог этих поисков в архивах и тщательного штудирования литературы был подведен Б. А. Куфтиным в специальной работе, написанной еще до Великой Отечественной войны¹, но она была опубликована позже, чем его монументальная книга о периодизации триалетской культуры эпохи бронзы², в которую был включен и небольшой раздел о куро-аракских памятниках. Куро-аракская культура была охарактеризована Б. А. Куфтиным как энеолитический этап в жизни закавказских культур эпохи бронзы, были показаны ее связи с синхронными памятниками Передней Азии, в весьма осторожной, сугубо предварительной форме было высказано предположение, что носителями этой культуры были митанийско-хурритские племена. Отчетливо осознавая значение сделанного им открытия для понимания истоков формирования кавказского культурного очага (что он постоянно подчеркивал), Б. А. Куфтин стремился расширить находившийся в его распоряжении фактический материал, раздвинув район поисков за пределы долины р. Цалки, где он работал первоначально, в то же время продолжая раскопки и в уже исследованном им районе³.

Выделение куро-аракской культуры оказалось исключительно плодотворным для археологии Кавказа и окружающих его районов и инспирировало большое число исследований, которые ввели в науку как огромный новый материал из раскопок куро-аракских поселений и могильников, так и новые аспекты его интерпретации. Достигнутые успехи обстоятельно освещены в ряде исчерпывающих историографических обзоров⁴, и на них нет нужды останавливаться. Отметим лишь важность изучения хозяйства куро-аракских племен, опирающегося на ряд вновь открытых и тщательно исследованных памятников⁵: оно показало, что куро-аракская культура расцвела на базе комплексного хозяйства, включавшего земледелие и скотоводство с известным преобладанием овцеводства. Такая хозяйственная многоукладность объясняет до некоторой степени широчайший ареал куро-аракских памятников в Закавказье и Малой Азии, особенно восточной Анатолии, вскрытый раскопками последних десятилетий⁶. Раздвинулся по сравнению с датировкой Б. А. Куфтина, относившего куро-аракскую культуру к III тыс. до н. э., и хронологический диапазон этой культуры, углубившейся в своих истоках в предшествующее тысячелетие⁷.

К сожалению, состояние изучения палеоантропологии населения, оставившего куро-аракскую культуру, далеко не соответствует богатству археологической

Индивидуальные измерения черепов из могильника Беркабер

№ признака по Мартину	Мужские черепа						Женские черепа			
	Ad.	Mat.	Ad.	Mat.	Mat.	Mat.	Ad.	Ad.	Mat.	Ad.
Возраст	Ad.	Mat.	Ad.	Mat.	Mat.	Mat.	Ad.	Ad.	Mat.	Ad.
1	199	178	186	190	197	194	179	180	182	186?
8	136	138	140	146	143	139	137	134	131	139
17	—	—	—	—	—	—	128	—	—	133
20	—	112	118	121	119	—	—	111	111	117
5	—	—	—	—	—	—	95	—	—	—
9	—	103	104	100	98	94	97	94	—	101
10	—	125	129	122	127	108	117	109	—	113
12	—	109	—	117	—	—	106	103	102	108
32	—	83	75	82	90	—	—	76	90	—
g1—met	—	78	70	77	84	—	—	69	84	—
8:1	68,3	77,5	75,3	76,8	72,6	71,6	76,5	74,4	72,0	74,7?
17:1	—	—	—	—	—	—	71,5	—	—	71,5?
17:8	—	—	—	—	—	—	93,4	—	—	95,7
9:8	—	74,6	74,3	68,5	68,5	67,6	70,8	73,1	—	72,7
9:10	—	82,4	80,6	82,0	77,2	87,0	82,9	86,2	—	89,4
9:12	—	94,5	—	85,5	—	—	91,5	91,3	—	93,5
40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	102
43	—	111	113	110	107	—	102	99	—	107
45	—	133	137	135	136?	—	—	122	128?	123
46	—	94	103	98	106?	—	—	—	96	89
47	—	—	122	—	—	—	—	—	—	—
48	—	68?	69?	73?	74	—	—	64?	71	—
51	—	44 (нр.)	46	46	44	—	—	36 (нр.)	45	—
51a	—	40,5 (нр.)	42 (нр.)	40,5	40	—	—	—	42	—
52	—	32 (нр.)	32	28	35,5	—	—	31 (нр.)	—	28
54	—	20	25	20?	19	—	—	23	26	25
55	—	50	52	51	52	—	—	53	51	—
DC	—	—	20,0	—	22,5	—	—	—	—	—
DS	—	—	—	—	13,1	—	—	—	—	—
SC	—	—	12,0	10,0	11,9	—	—	11,7	—	—
SS	—	—	—	4,5	6,0	—	—	—	—	—
72	—	96	82	—	82	—	—	87	89	—
73	—	101	85	89	88	—	—	91	95	—
74	—	80	71	—	66	—	—	66	73	—
75	—	—	—	66?	46	—	—	—	—	—
75(1)	—	—	—	—	36	—	—	—	—	—
43(1)	—	102	107	104,5	99,5	90	95	92	—	—
IOW sub.	—	19	16	14	19	18	16	20	—	—
77	—	139	147	150	138	136	143	133	—	—
Zm'—zm'	—	—	102	98	—	—	—	—	98,5	—
Zm'—sub.	—	—	24	25,5	—	—	—	—	22	—
Zm'	—	—	130	125	—	—	—	—	132	—
45:8	—	96,4	97,9	92,5	95,1?	—	—	91,0	97,7?	88,5
47:45	—	—	89,1	—	—	—	—	—	—	—
48:45	—	51,1?	50,4?	54,1?	54,4?	—	—	52,5?	55,5?	—
52:51	—	72,7	69,6	60,9	80,7	—	—	86,1	—	—
52:51a	—	79,0	—	69,1	82,8	—	—	—	—	—
54:55	—	40,0	48,1	39,2	36,5	—	—	43,4	51,0	—
DS:DC	—	—	—	—	58,2	—	—	—	—	—
SS:SC	—	—	—	45,0	50,4	—	—	—	—	—

информации и отражает описание лишь единичных и плохо сохранившихся находок из разных могильников в Грузии и Армении⁸. Поэтому серия из 10 взрослых черепов, происходящих из одного памятника, приобретает значительный интерес для понимания генезиса антропологического состава населения Закавказья в эпоху бронзы. Именно к этой эпохе относится могильник близ селения Беркабер (бывшее название — Джогаз) Иджеванского р-на АрмССР, раскопанный летом 1986 г. Раскопки велись под руководством Г. Е. Арешяна и А. Е. Симоняна. Все черепа не очень хорошей сохранности, и потребовалась реставрационная работа, которая была выполнена Р. А. Мкртчян. Ею же были проведены все измерения (таблица).

Вся серия отличается исключительной длинноголовостью, черепной указатель на шести мужских черепах равен 73,7. Такая величина получается за счет очень большой длины (продольный диаметр 190,7 мм) и умеренной ширины (поперечный диаметр 140,3 мм) черепной коробки. Четыре женских черепа дают черепной указатель, равный 74,4, примерно при том же соотношении размеров — довольно большом продольном (181,7 мм) и малом поперечном (135,2 мм) диаметрах. Высота черепной коробки средняя или низкая — высота от порионов на четырех мужских черепах 117,5 мм. Лобная кость средней ширины (99,8 мм на пяти мужских черепах, 97,3 мм на трех женских), но при такой ширине черепа оказывается относительно широкой (лобно-поперечный указатель равен соответственно 70,7 и 72,2); поставлена она наклонно (угол лба назион-метопион на четырех мужских черепах 82,5°). Затылочная кость узкая (103,8 мм на четырех женских черепах). Рельеф черепа умеренный.

В общем как ни скептически относятся некоторые специалисты к вариациям черепной коробки в качестве диагностирующих признаков в силу их изменчивости, все же их использование в практической работе очень широкое, и их дифференцирующее значение оказывается эффективным при разграничении не только близких между собой узколокальных комплексов, но и типологических сочетаний, занимающих большие ареалы. Перед нами то сочетание размеров черепной коробки, которое постоянно повторяется при палеоантропологической характеристике тех или иных вариантов южной средиземноморской ветви европеоидов. Абсолютного значения это сочетание не имеет, оно с теми или иными модификациями встречается иногда и на севере, но преимущественно локализовано в прибрежных районах Европы и Передней Азии, частично и Северной Африки, примыкающих к Средиземному морю. В советской литературе была распространена до недавнего времени тенденция рассматривать эту форму строения черепной коробки как отличительную черту не южноевропеоидной расы в целом, а ее местной разновидности — так называемого восточносредиземноморского типа⁹. За тенденцией этой, строго говоря, не стояло какой-нибудь специальной морфологической проработки материала; специфическое своеобразие восточносредиземноморских форм, распространенных в древности преимущественно в Средней и Передней Азии, никогда не было доказано, поэтому тенденция эта имеет лишь историческое значение. Перед нами на территории Армении один из местных вариантов южной ветви европеоидов, и этим приходится ограничиться, пока мы имеем дело с вариациями черепной коробки.

Переходя к лицевому скелету, сразу же нужно отметить небольшую высоту лица (71,0 мм на четырех мужских черепах, 67,5 мм на двух женских). Но ширина лица выше средней (135,2 на четырех мужских и 124,3 мм на трех женских черепах), для европеоидов ее можно считать даже высокой. Дивергенция северных и южных европеоидов по ширине лица носит вполне определенный характер как в древности, так и в современную эпоху — северные европеоиды более широколицы, чем южные. Но это справедливо на юге лишь по отношению к современным равнинным популяциям; в горных районах носители альпийской, динарской, кавкасионской комбинаций признаков достаточно широколицы, а на Кавказе сосредоточен даже максимум величин скулового диаметра в рамках европеоидного ареала. По отношению к древности граница менее ясна, и широколицые серии встречаются и на юге, и на севере. Следует подчеркнуть, что обнаружение в эпоху бронзы относительно широколицых форм на территории Армении в свете имеющейся информации о современном очаге широколицести на Кавказе не выглядит полностью неожиданным. Любопытно отметить, что подобное сочетание высотного и широтного диаметров лица дает верхнелицевой указатель, средняя величина которого все же превышает средний вариант (52,5 на четырех мужских черепах и 54,0 на двух женских).

Помимо сказанного в строении лицевого скелета обращают на себя внимание низкоорбитность (высота орбиты на четырех мужских черепах 31,9 мм, на двух женских — 29,5 мм) и резко выраженная узконосность (ширина грушевидного

отверстия на четырех мужских черепах 21,0 мм, на трех женских — 24,7 мм). И то и другое — признаки в целом северного тяготения. Более того, носовой указатель, равный 40,9 (четыре мужских черепа) и 47,2 (два женских черепа), редко встречается даже на севере Центральной и Восточной Европы и в Скандинавии. Орбитные указатели также крайне малы: указатель от максиллофронтале равен на четырех мужских черепах 71,0. Следовательно, уже сопоставление этих признаков с вариациями черепной коробки показывает, что налицо сочетание признаков, которое, начиная с работ А. И. Ярхо, часто называют противоречивым, подразумевая под этим случаи нарушения сложившихся в ту или иную эпоху исторических корреляций между признаками.

Сохранность лицевого скелета такова, что осуществить характеристику горизонтального и вертикального профиля можно лишь весьма приблизительно. Вертикальный профиль скорее ортогнатный, хотя представлены и мезогнатные варианты, носовые кости в единственном зафиксированном случае выступают очень сильно, горизонтальный профиль — острый. Все это — бесспорное свидетельство сильной выраженности европеоидного комплекса признаков, но он был резко выражен во всех древних европеоидных группах, и поэтому это наблюдение трудно как-нибудь использовать в генетическом плане.

Подводя итог морфологическому описанию изученных черепов, можно сделать вывод, что серия из Беркабера европеоидная, внутри европеоидов относится к резко выраженным долихокранным вариантам, в лицевом скелете несет сочетание признаков, свойственных представителям как южной, так и северной ветви европеоидной расы. В качестве ближайшей географической аналогии можно назвать единичные черепа из погребений у Шенгавита, раскопанные С. А. Сардаряном¹⁰. Они имеют то же сочетание признаков, что и вышеописанная серия — достаточно крупные и длинноголовые, с умеренно широким и средневысоким лицевым скелетом, профилированным в горизонтальной плоскости, с сильно выступающими носовыми костями¹¹. Вместе с ними были описаны черепа из Джарарата. Как считали тогда археологи, эти черепа синхронны шенгавистским, но очень грацильные и узколикие, а также обнаруживающие сдвиг к брахикрании. В настоящее время можно высказать предположение, что эти черепа относятся к более позднему времени, и поэтому их не следует рассматривать вместе. Носители куро-аракской культуры на территории Армении, как это сейчас вырисовывается на основании доступных данных, были антропологически более или менее гомогенны.

Популяции рассматриваемой культуры, проживавшие в южных районах Грузии, отличались от армянских как будто несколько более коротким черепом и повышением черепного указателя, несколько более узким лицом¹². Однако число наблюдений по каждому признаку так мало, что на этих различиях трудно настаивать: возможно, они и отражают реальную действительность, но скорее всего представляют собой просто результат случайности выборки. Поэтому в дальнейшем изложении мы будем исходить из гипотезы, что зафиксированный в могильнике Беркабер комплекс признаков более или менее типичен для населения куро-аракской культуры в Закавказье в целом, иными словами — при несомненно существовавшем локальном своеобразии антропологического состава куро-аракского населения в отдельных районах наиболее распространенное сочетание признаков было более или менее близко к описанному выше.

На юге памятники близкородственной куро-аракской хирбет-керакской культуры уходят через Малую Азию в Сирию и Палестину, на севере поселения куро-аракской культуры не заходят дальше западных районов Имеретии и северных горных районов Дагестана. Таким образом, и географический ареал, и археологические параллели, вскрытые исследованиями многих археологов¹³, заставляют в поисках исходной территории формирования этой культуры обращаться к южным по отношению к Закавказью районам или пытаться найти аналогии ей в местных неолитических памятниках. Очевидно, палеоантропологические аналогии нужно искать в тех же направлениях.

Последнее из них исключается автоматически, так как ни на Северном Кавказе, ни в Закавказье нет достоверных находок скелетов неолитического времени. Все описанные в литературе черепа, относимые к этому периоду, не имеют на самом деле отчетливой датировки¹⁴. Что касается переднеазиатских аналогий, то здесь поле сравнений шире, и можно будет привлечь несколько серий, морфологические особенности которых неоднократно обсуждались в литературе под самыми разнообразными углами зрения¹⁵. Но все они отличаются крайней узколицестью и грацильностью лицевого скелета. Исключение составляют лишь черепа из Сиалка (могильник А), достаточно широколицые и массивные¹⁶, т. е. пригодные в этом отношении для сравнения с серией из Беркаберского могильника. Но они высоколицы, отличаются от закавказских вариациями некоторых других признаков и поэтому не могут рассматриваться как форма, морфологически тождественная или даже очень близкая к беркаберской популяции, хотя сходство в данном случае, конечно, больше, чем со всеми другими переднеазиатскими сериями. В культурном отношении Сиалк также входит в иной круг археологических памятников. Здесь уместно заметить, что в целях объективности, конечно, следовало бы количественно взвесить степень сходства и различия беркаберской популяции с палеоантропологически зафиксированными переднеазиатскими популяциями, но при таком числе наблюдений любое количественное сопоставление может дать искаженные и даже прямо противоречащие действительности результаты, которые нельзя будет разумно корректировать и истолковать. Кстати говоря, все сказанное остается в силе и для последующего изложения, также построенного на качественных визуальных оценках.

Совершенно своеобразная и исключительно богатая майкопская культура, ареал которой примыкает к ареалу куро-аракской культуры с северо-запада и северо-востока, не охарактеризована палеоантропологически. Но в степных районах Предкавказья, входящих в громадный пояс степей, простирающихся с небольшими перерывами от Дуная до Енисея, были в III — начале II тыс. до н. э. распространены памятники ямной культуры, преимущественно скотоводческой, имевшей огромный ареал и оставленной, надо думать, весьма многочисленным населением. Начиная со сводки Г. Ф. Дебеца по палеоантропологии СССР¹⁷, палеоантропологический материал неоднократно вводился в науку¹⁸, и в настоящее время мы имеем возможность судить о локальных вариациях антропологического типа населения ямной культуры по всей степной зоне — от Днепра на западе до Волги на востоке. Г. Ф. Дебец рассматривал ямников в качестве классических представителей того типа, который он вообще считал характерным для древнего населения Европы и который называл кроманьонским в широком смысле слова. С небольшими модификациями эта дефиниция дожила до наших дней, хотя все последующие работы выявили значительный полиморфизм населения ямной культуры от могильника к могильнику, достаточно существенные различия между отдельными группами населения в ширине лица и массивности черепа. В принципе локальная изменчивость антропологических особенностей в географических границах ареала ямной культуры могла бы составить предмет специального интересного исследования, но для нас это вопрос второстепенный, для нашей темы важно, что в составе ямников в значительной степени был представлен антропологический компонент, по пропорциям и размерам лица близкий или тождественный популяции, оставившей Беркаберский могильник. Низкоорбитность и узконосность, характерные для этой последней популяции, также типичны для этого компонента. В нем, следовательно, можно видеть достаточно убедительную морфологическую аналогию тому населению куро-аракской культуры, которое проживало на территории Армении.

Итак, вопреки линии культурных связей, реконструируемой с помощью археологических данных и уходящей в Малую и — в более широком смысле — в Переднюю Азию, антропологические особенности куро-аракского населения

таковы, что они не дают оснований для однозначного решения. Куро-аракские популяции сближаются с некоторыми южными по отношению к ним переднеазиатскими, но имеют одновременно большое сходство и с популяциями ямной культуры, составлявшей северную периферию их ареала. Можно пойти и дальше: исходя из широко распространенного мнения об исключительной таксономической ценности вариаций лицевого скелета по сравнению с мозговым, придать наибольшее значение строению лица и постулировать на этом основании преимущественную связь куро-аракского населения с ямным. Тогда антропологические данные будут указывать на поиск генетической преемственности в прямо противоположном направлении, чем археологические. Но все подобные априорные операции по определению таксономического веса признаков достаточно условны даже при работе с данными о современных популяциях, где эти данные достаточно полны, тем более они малооправданы применительно к палеоантропологическому материалу. Поэтому самое разумное — рассмотреть зону куро-аракской культуры как промежуточную между севером и югом, населенную группами смешанного происхождения, может быть, даже имевшими в своем облике черты не только южных, но и северных европеоидов. Кстати сказать, подобный подход возвращает нас к некоторой переоценке имевшей место дискуссии между В. В. Бунаком и Г. Ф. Дебецом о наличии примеси северной расы или северной ветви европеоидов у древнего населения Армении: речь шла о черепках раннего железного века из могильников на юго-восточном побережье оз. Севан¹⁹. В. В. Бунак писал о наличии северной примеси, Г. Ф. Дебеч отрицал ее. Сейчас ясно, что наличие северных элементов нельзя отрицать на территории Армении и в более раннее время.

Каково этногенетическое значение всех этих антропологических соображений? Закончить изложение на этом — значит остаться в рамках объективности, не выходя за пределы фактов и предоставить их интерпретацию другим. В то же время все лингвистические привязки для этой эпохи более чем спорны и носят самый общий характер. Авторы данной статьи не рискнули бы сами выступить с такими привязками, но коль скоро они есть в литературе, правомерно и необходимо рассмотреть их под антропологическим углом зрения.

Сразу же обращает на себя внимание противоречивость существующих точек зрения. Кавказоведы склоняются к тому, чтобы видеть в носителях куро-аракской культуры предков современных народов Кавказа, говорящих на кавказских языках: О. М. Джапаридзе видит в них предков картвелов²⁰, Р. М. Мунчаев — предков иберокавказцев в целом²¹, что затем нашло дополнительную аргументацию в серии статей Е. И. Крупнова²². Историки древнего Востока видят проблему этнической принадлежности куро-аракской культуры по-иному и решают ее с помощью более широких сопоставлений. Г. А. Меликишвили высказал гипотезу о связи носителей этой культуры с индоевропейским этническим миром, с появлением в Закавказье индоевропейцев, растворением их в местной среде и сложением в ходе этого процесса куро-аракского культурного единства²³. И. М. Дьяконов также в весьма предположительной форме реконструировал ареал обитания хурритских и родственных им племен, сопоставил его с ареалом куро-аракской культуры и получил значительное совпадение обоих ареалов²⁴. Эта точка зрения наиболее близка к взглядам Б. А. Куфтина.

Приведенные мнения, как видим, противоречивы, и не очень ясно, каким образом можно примирить их. Если ареал хурритских и родственных им языков действительно совпадал с ареалом хирбет-керакских памятников, то хурриты, очевидно, должны были занимать большую часть Закавказья. Весьма вероятно, что огромный неиндоевропейский пласт в армянском этногенезе частично восходит ко времени хурритского расселения²⁵. Современная лингвистика, похоже, отрицает генетическую связь между кавказскими языками, в том числе и картвельским, и древними языками Передней Азии²⁶. Но никем еще не были оспорены старые наблюдения о лингвистических и историко-культурных связях

картвельских народов с Передней Азией и о переселении части их древнейших предков на юг²⁷. Опубликованный Р. В. Гордезиани список шумерско-картвельских сходжений, состоящий из 101 лексемы, подтверждает реальность этих старых наблюдений²⁸. В то время как хурриты расселялись по Закавказью из Восточной Анатолии, предки картвелов могли продвигаться туда из древней Месопотамии. Их встречи в Закавказье объясняют отдельные включения в картвельские языки лексических элементов из древних языков Передней Азии. Таким образом, какие-то южные связи, выявленные в антропологическом составе куро-аракского населения, не противоречат этой части лингвистических данных, если их интерпретировать, как это было сделано выше.

Если принять гипотезу Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова об индоевропейской прародине в Малой Азии²⁹, то для индоевропейцев в рамках приведенных рассуждений не остается в Закавказье места, или, точнее говоря, не остается путей, пройдя по которым, они могли бы попасть в Закавказье. Но гипотеза эта встретила ряд существенных возражений³⁰. Внимательное штудирование текста капитальной книги Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова оставляет впечатление, что им не удалось достаточно убедительно исключить из области индоевропейской прародины Балканский полуостров. Если же индоевропейцы расселялись с Балканского полуострова, то носителей ямной культуры очень легко представить в качестве одной из древнейших ветвей индоевропейских народов. Возможно, это справедливо и по отношению к каким-то еще не открытым аналогичным доямным памятникам. Из прикавказских степей индоевропейцы могли тогда попасть на Северный Кавказ и в Закавказье, встретиться там с хурритами и протокартвелами и в силу недостаточной численности раствориться в среде последних лингвистически и культурно, но в то же время оставить какие-то свои антропологические особенности. Этим можно объяснить и отсутствие памятников ямной культуры в горных районах Кавказа, и индоевропейские включения в картвельских языках. В рамках более или менее традиционной гипотезы находит, следовательно, себе место и мнение об участии индоевропейцев в формировании куро-аракской культуры и оставшего ее населения, подкрепляемое описанными выше палеоантропологическими данными.

Разумеется, эти данные очень важны и для понимания ранних этапов расогенеза на территории Армении, преемственности куро-аракского населения с более поздним, в конечном счете этногенеза армянского народа в свете антропологических данных. Однако территории Армении в отношении палеоантропологии пока не повезло — эпохи бронзы, раннего железа, средневековья изучены крайне слабо. По мере роста наших знаний о динамике антропологического состава Армянского нагорья будет расти и научная ценность палеоантропологического материала из погребений куро-аракской культуры для реконструкции антропологических особенностей и генезиса того субстратного населения, которое проживало здесь до распространения армянского языка — примерно с середины I тыс. до н. э.³¹

Примечания.

¹ Куфтин Б. А. Урартский колумбарий у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит // Вести. Гос. музея Грузии. Т. XIII-V. Тбилиси, 1944.

² Он же. Археологические раскопки в Триалети. I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси, 1941.

³ Он же. Археологические маршруты экспедиции 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949; его же. Археологические раскопки 1947 года в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948.

Начиная примерно с 60-х гг. культура куро-аракского энеолита, как ее назвал Б. А. Куфтин, интерпретируется как культура раннебронзового века. Ареал ее охватывает Закавказье, Восточную Анатолию, Северо-Западный Иран и Северо-Восточный Кавказ. Поэтому куро-аракскую культуру часто называют в западной литературе восточно-анатолийско-закавказской культурой раннебронзового века.

⁴ См., например, обстоятельное историографическое введение к книге: Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М., 1975.

⁵ Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье // Сов. археология. Т. XXIII. М., 1955; *его же*. Основные этапы древнейшего земледелия в Армении // Историко-филологический журнал. Ереван, 1961. № 3—4; Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).

⁶ См. карту: Кушнарева К. Х., Чубиншвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.). Л., 1970.

⁷ Там же.

⁸ Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М., 1974; Абдушелишвили М. Г. Антропология населения Кавказа в бронзовом периоде. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).

⁹ Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

¹⁰ Сардарян С. А. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967.

¹¹ Алексеев В. П. Указ. раб.

¹² Абдушелишвили М. Г. Указ. раб.

¹³ Обсуждение проблемы и литературу см. в работах, указанных в сносках 2, 4 и 6.

¹⁴ Обзор этих находок и литературу см.: Алексеев В. П. Указ. раб.

¹⁵ Исчерпывающей сводки данных по палеоантропологии Передней Азии, которая соответствовала бы современному уровню знаний, пока нет. До какой-то степени ее может заменить подборка данных, собранных в сравнительных целях: Алексеев В. П., Ходжайов Т. К., Халилов Х. Х. Население верховьев Амударьи по данным палеоантропологии. Ташкент, 1984.

¹⁶ Vallois H. Les ossement humaines de Sialk. Contribution à l'étude de l'histoire raciale de l'Iran ancien. // Girshman R. Fouilles de Sialk près de Kashan. T. II. P., 1939.

¹⁷ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии АН СССР (Нов. серия). Т. IV. М.; Л., 1948.

¹⁸ Сводка данных и библиография.: Круц С. И. Население территории Украины эпохи меди — бронзы. Киев, 1972; *ее же*. Палеоантропологические исследования Степного Приднепровья. Киев, 1984.

Бунак В. В. Черепа железного века из Севанского района Армении // Русский антроп.-журнал. 1929. Т. 17. Вып. 3—4; Дебец Г. Ф. Указ. раб.

²⁰ Джапаридзе О. М. Указ. раб.

²¹ Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. № 100. М., 1961.

²² Крупнов Е. И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность // Сов. археология. 1964. № 1; *его же*. Кавказ в древнейшей истории нашей страны // Вопр. истории. 1966. № 5.

²³ Меликишвили Г. А. К вопросу о древнем населении Грузии, Кавказа и древнего Востока. Тбилиси, 1965.

²⁴ Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.

²⁵ См. об этом: Капанцян Г. А. Историко-лингвистические работы. Т. I—II. Ереван, 1956—1975.

²⁶ Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.

²⁷ См., например: Марр Н. Я. О дате эмиграции мосохов из Армении в Сванию // Изв. АН ССР, 1916.

²⁸ Гордзиани Р. В. Догреческий и картвельский. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).

²⁹ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I—II. Тбилиси, 1984.

³⁰ Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // Вестн. древ. истории. 1982. № 3, 4; Лелеков Л. А. К новейшему решению индоевропейской проблемы // Вестн. древ. истории. 1982. № 3.

³¹ Джаукян Г. Б. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967; *его же*. Принципы периодизации истории армянского языка // Лингвистическая география и история языка. Кишинев, 1973. Повторено в кн.: Джаукян Г. Б. Общее и армянское языкознание. Ереван, 1978.